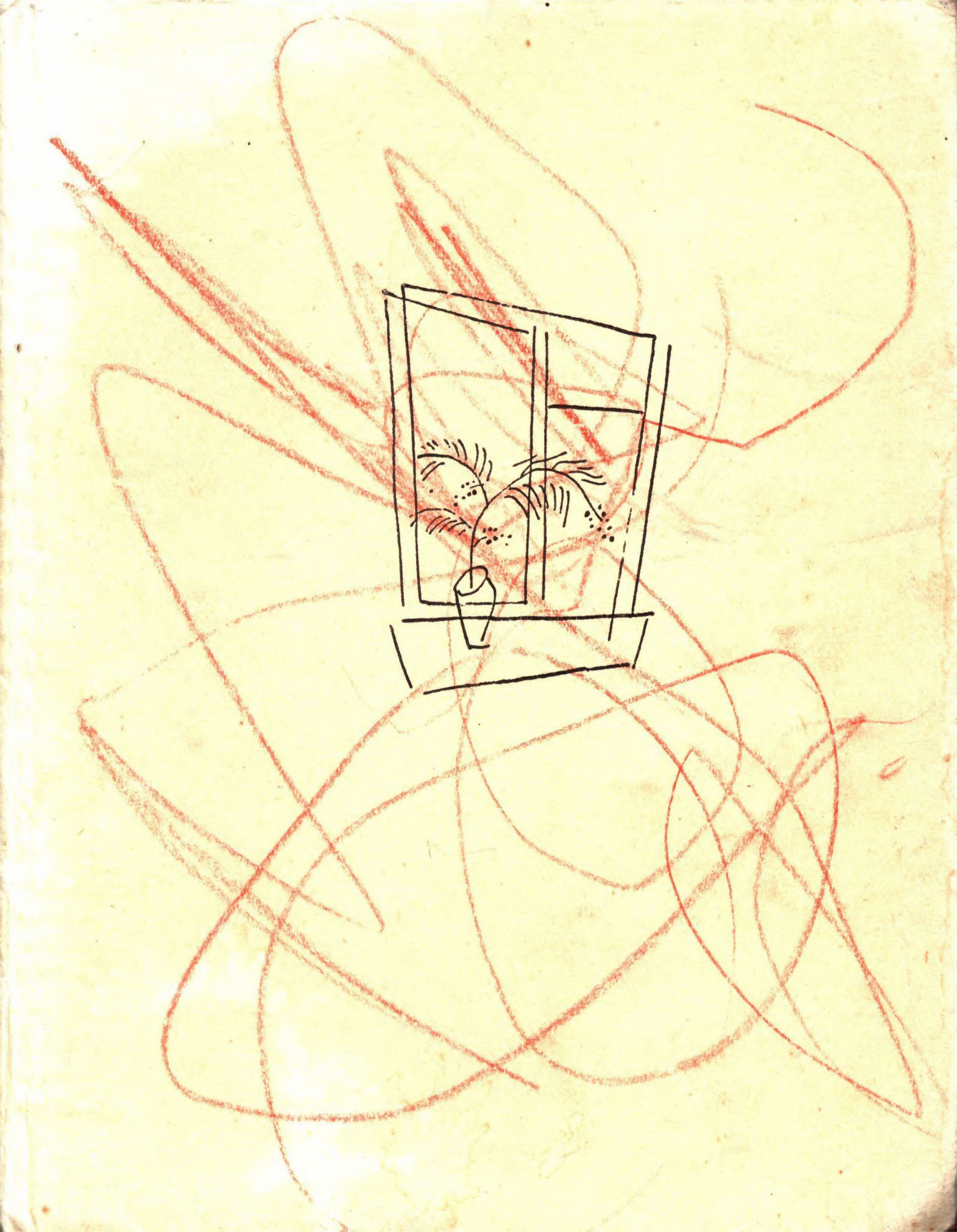
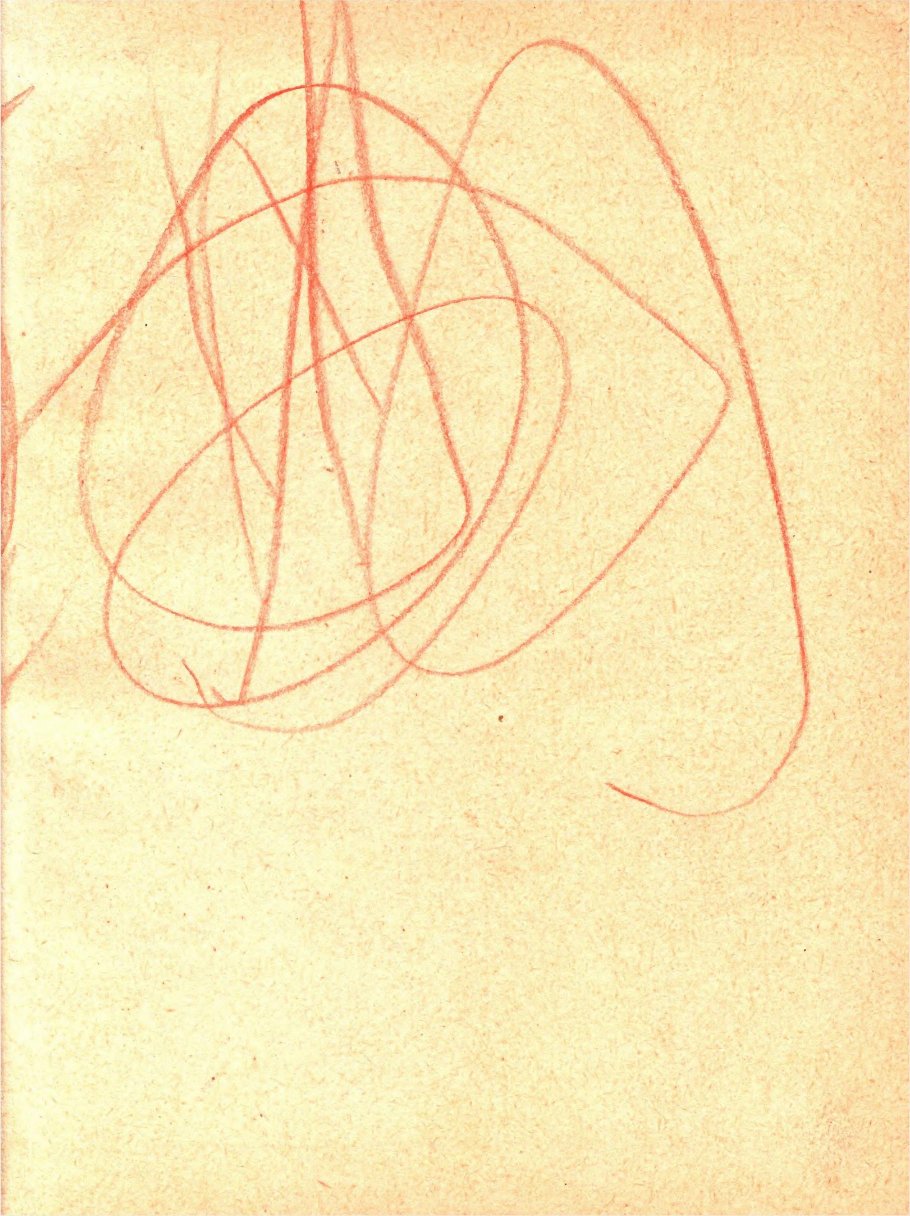

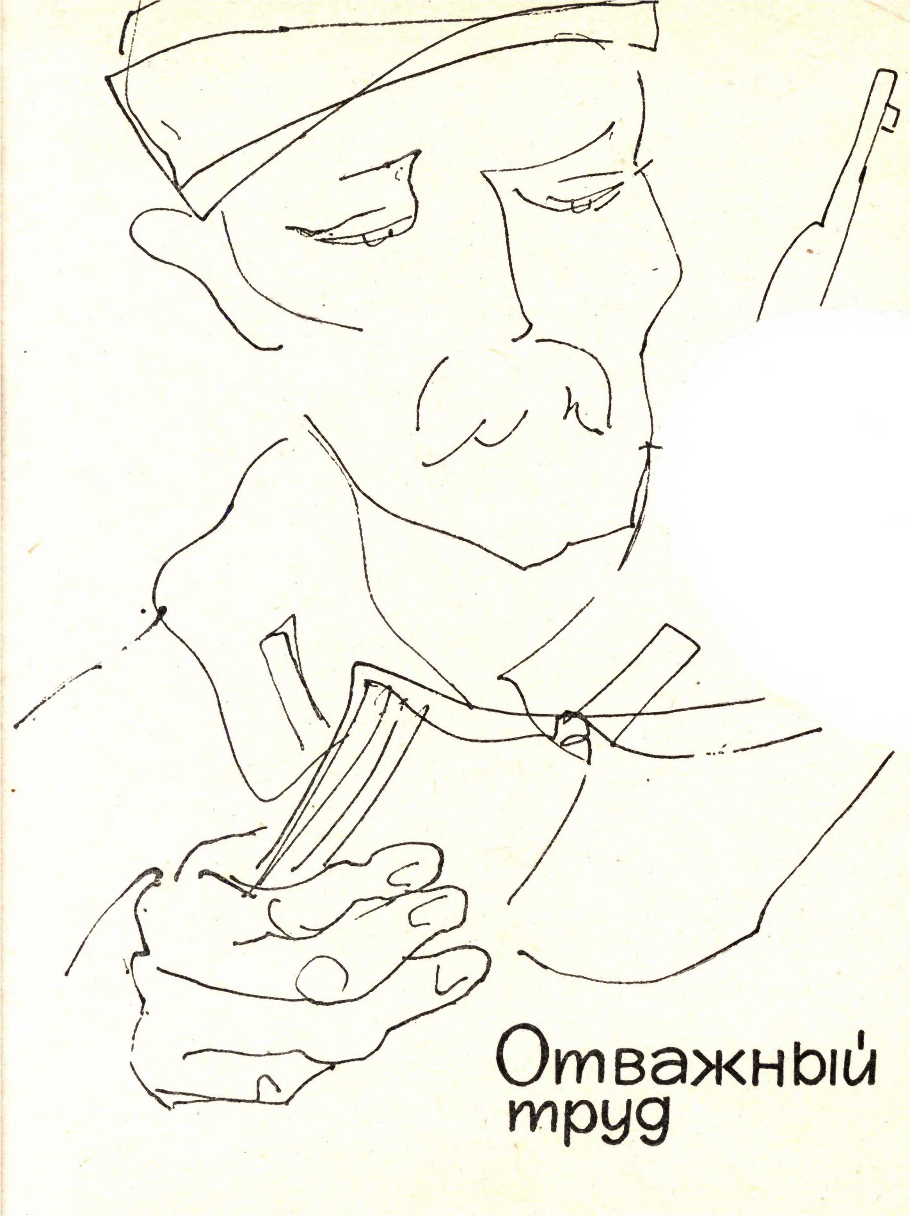

Александр Гатов

Апрель, счастливый месяц

Стихотворения

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА · 1962

Отважный
труд

МАЯКОВСКИЙ, КАКИМ ЕГО ПОМНЮ

1

Я знал его. Живого! Не того,
Кто в бронзе над толпой автомобилей
Обрел во «многопудьи» торжество.
А эту площадь мы переходили,
Бредя Москвою, спорили, шутили.

Дыханья не переводя с утра,
Он жил; строк сварка, рифм сцепленье.
Неразлучимы труд и вдохновенье,
И если миг свободный, то игра.
Орел иль решка, преферанс, бильярд.
Минуте ль, правда, пропадать свободной!
Он тем всегда оправдывал азарт,
Что пишется наутро превосходно.

Не Гулливер, но все же выше всех.
В плечах воистину косая сажень.
И двухаршинный шаг. Смотрел я вверх,
Когда с ним рядом шел. И помню смех,
И помню бас, что был тупицам страшен.
Брал за сердце, лавиной грохотал,
Аудиторий стены раздвигал
Горлан-поэт, шагавший «левой» с нами.
Но дома, снизив голоса накал,
Умел он говорить полутонами.
Не сам ли думал о полутонах,
Когда писал он — облако в штанах?
И все же был он подлинным мужчиной
И рыцарем. Не разгадать причины
И самым близким людям — почему
Любовь недоброю была к нему.

2

Я помню где-то в южном далеке
Мой город детства. Стайкой гимназистов
Пришли и мы на «Вечер футуристов».
Давид Бурлюк с лорнетом, в сюртуке
И юный Маяковский: на щеке
Петух, что был изображен гуашью.
Он в желтой кофте. Но не так он страшен,
Как говорят о нем и Бурлюке:
«Не литераторы, а скандалисты».
Так в «Южном крае» аттестуют их.
И замечаю: в зал приводит пристав
На всякий случай двух городовых.
Напрасно: происшествий никаких.

Но вместе с «дур-бул-щир» и прочей чушью
Смешное: «причешите ваши уши».
Но возмущенье вспыхивает вдруг,
Когда солидный господин Бурлюк
Толстого «сбрасывает с парохода»...
Бунтарство, фронда по сердцу и мне!
А дома суд без апелляций: «Мода!
Ослиный хвост! Позор такой мазне!
Бурлюк — фигляр и шарлатан московский».
Я что-то возражал моей родне.
И где-то там в сердечной глубине
Осталось огненное: Маяковский.

3

Мы — в «Комсомольской правде» тех времен.
Пришел в Черкасский переулок он,
Сосредоточенный и угловатый,
Почувствовав, что враг еще силен.
Кто этот враг? Не только бюрократы,
Что, в импозантных креслах развалясь,
Дабы прикрыть свой карьеризм и грязь,
Надели френч, как рыцарские латы.

Он рылся в «письмах с мест» и находил
Весть от селькора в каплях крови алой —
Следы обреза и кулацких вил.
Он от рабкоров принимал сигналы
И вчитывался в строки на клочке
Бумаги в саже и в машинном масле.
Не думал он — на вечность ли, на час ли
На грозном маяковском языке

Свой фельетон напишет...
В «Литстраницу»
Заглядывая, Уткину и мне
Наказывал он, строго глядя в лица,
Не реять в поднебесной вышине
Академическою важной птицей:
— Поэзия — не соловьиный сад,
Сейчас — не до лирических рулад.
Дай срок — мы к лирике вернемся «чистой». —
Он не бряцал на лире — бил в набат
По долгу сердца, долгу коммуниста.

4

На выступленье «Двадцать лет работы»
Не много литераторов пришло.
Была зима. На улице мело...
И дома вновь скептическое: «Что ты?
Пойдешь? ..» —
«Пойду, конечно...»
Что влекло
На выставку, на вечер? Правда, я
Поэту не был другом закадычным,
Домашним собеседником привычным.
И путь его, и колея моя
Проложены почти одновременно,
Шли рядом, а сомкнуться не смогли.
Но был он ведь поэтом всей земли,
И если должником, то у Вселенной.
Ездой в Незнаемое столько вех
Расставил он, Грядущего глашатай.
(Да, на голову был он выше всех!)

В искусстве слова столько непочатой
Он поднял целины своим стихом.
Я так сказать могу еще о ком?
В костюме модном, скроенном в Париже,
И галстук в тон, и в ладных башмаках,
Владимир Маяковский был мне ближе
Иных божков-дружков... В его руках
Поэта, не гнушавшегося швабры,
Чтобы конюшни Авгия скрести,
Перо работало во славу храбрых —
Да быть отчизне в здравье и в чести!
И радостно и больно мне от чести,
В тот вечер выпавшей: я с Маяковским вместе
Прошел вдоль экспонатов — с ним вдвоем.
Не хвастаюсь! Все — только по причине,
Что люди, бывшие в высоком чине,
Забыли в тот великий день о нем.

5

В последний раз я повстречался с ним
В печальный день — в почетном карауле.
Как странно — Маяковский недвижим!
И сердце, остановленное пулей,
И пальцы скрючены — не взять пера,
И губы не раскроются — для слова.
Его, его — такого молодого! —
Не увлечет ни дело, ни игра.
Запомни губы, сжатые навеки,
И эти опустившиеся веки,
Надбровья эти выпуклые, лоб.
И вот — последний путь, выносят гроб.

Он слишком для кого-то был велик.
Бодали те его с упорством бычьим.
Так пусть сегодня он подавит их
Своим посмертным бронзовым величьем.

Комарово
Февраль 1961 г.

КЛУБ „ГРЯДУЩЕЕ“

Двадцатый год. Взят Крым. Но с панской Польшей
Идет война. На запад — эшелоны
И на трудфронт. В Донбасс! Заводам угля,
Печам поленьев: в городских квартирах
На стенах лед. Едва пыхтят буржуйки.
Невыпеченный хлеб. Морковный чай.

В редакции Укросты я пишу
Листовки разные — то против вши,
То за восстановление. Даешь!
Даешь чугун и хлеб! Даешь победу!
А вечером в Собрании дворянском,
Где у резных с драконами дверей
Стоят тяжеловесные две пушки
Очаковских времен, где зал двусветный
Еще недавно сотрясала медь
Оркестров духовых, звенели шпоры,
В паркете отражались палаши, —
Расположился клуб прифронтовой
«Грядущее».
В одной из комнат клуба,

Где потолок с затейливою лепкой
Растрескался и было просто жаль
Увечных ангелов, смотревших сверху,
Где вместо бемского стекла фанера
Скрывала свет и было днем темно,
А в бывшей люстре теплился рожок
Шестнадцатисвечовый, — шло занятье
Литературной студии...

Кто там
Бывал в те дни, кто локти клал на стол —
Изделье мастеров италианских?
Кто были слушатели? День за днем
Тогда менялись голоса и лица:
Сегодня Харьков, завтра — Львов и Люблин,
С белополяками бои... Я вижу
Те забинтованные головы и руки
В лубке, на перевязи... Но приходят
Стихи послушать или почитать!
Мои студийцы — стихотворцы или
Любители стихов. Произведенья
Есенина и Бедного Демьяна
Им хорошо знакомы — спор о вкусах
Идет ожесточенный день за днем.

По Харькову в шинели долгополой
Ходил в то время Хлебников голодный,
Худой, обритый после сыпняка.
Подумал я: паек красноармейский
Мог поддержать его, и я дерзнул
Ввести в «Грядущее» и Велемира —
Нет разноречья в этих двух понятьях!

За неименьем в штатах «лектора» он был
Зачислен трубачом в оркестре клуба.
Не раз уже он получил паек,
А я старался оттянуть беседу
Его с красноармейцами, — увы,
Грозу предвидя и конец печальный.
И вот символику окраски букв
«Лес — лыс», «бог — бок», как азбуку искусства,
Он — день настал — раскрыл красноармейцам
И, я не скрою, вызвал удивленье
Немалое у всех — такое, что
Явился в клуб наш начполитпросвета —
В защитной гимнастерке и в обмотках,
Длинноволосый, с рыжей бородой —
И с вящею наивностью спросил
У Хлебникова: «Вы марксист?», на что
Последовал ответ: «Я — футурист,
А говоря по-русски, будетлянин!»
(О, бедный Хлебников! Конец пайку...)

Среди студийцев был и драматург.
Писал он пьесу, драму бытовую,
Название которой было «К свету!».
Вы улыбнулись — нечего сказать,
Оригинальное названье... Но
Был скромен автор, собирался пьесу
Поставить, если будет жив, на сцене
Села, где он учительствовал...

Я, —
Всего тогда мне было двадцать лет,
Но, рано утвердясь в литературе,

Я право приобрел на «да» и «нет»,
Так называемый авторитет, —
Сырые слушая произведенья,
Не возносил их авторов. Однако
Все я старался похвалить без лести
Рисунок ясный, настроенье, мысль.
Я говорил, что стих — боец в строю,
Литература звать должна на подвиг,
А значит — потрясать сердца... Однажды
Спросил у собеседников: «Друзья!
Скажите, в жизни помогла ли вам
Когда-нибудь какая-либо книга?
Сумела ли ваш дух вооружить?
А вы-то в переделках побывали...»

И после паузы ответил мне
Немолодой солдат, видавший виды:
«Дорогой в Крым на станции какой-то
Я поднял с пола книжку без обложки
И без конца... Под храп соседей ночью
Читал ее — и сердце боль стеснила.
Та книжка с ятями... Я расскажу,
О чем тогда узнал из этой книжки.
Циркач немецкого происхожденья
Ребенка разным подвергал мученьям,
Чтоб тот, как немец, акробатом стал.
Не стал бедняга парень акробатом —
С трапеции свалился и не встал...»
Солдат остановился, но никто
Не прерывал его, хоть кой-кому
Известен был рассказ... Он кончил так:
«Мальчишку очень жалко стало мне.

Со мною рядом на Валу турецком
Он был... Я отомстил белогвардейцам
За все... и за ребенка!»
                                        О, солдат!
О, жалость! Гнев рождается от слез
Скупых, текущих по щекам мужчины...

ПОСЛАНИЕ В ГРУЗИЮ

От ранних школьнических лет
Нас навсегда сдружил поэт
С Казбеком, с Демоном, с Тамарой...
А Чертова ущелья чары,
И гневный Терек между скал,
И чаща над Курой, где Мцыри
Кинжалом барса поражал
В таинственном грузинском мире!
А генерал Багратион!
С Кутузовым, с Барклай-де-Толли
На славном Бородинском поле
Пожаром битвы опален, —
Среди героев в русском стане
Храбрец, Жуковским он воспет,
И сердце с юношеских лет
Несло ему восторгов дани.

Но на Крестовый перевал
Я не въезжал, я не видал
Тифлиса, не был на Майдане...

Шли годы чередой, и вот
Приходит тридцать третий год.
Посланцы Горького — бригада
Писательская — в первый раз
Мы отбываем на Кавказ.
Предсъездовский маршрут! Нам надо
Туда, где ждут поэты нас!
В Баку, в Тифлисе, в Эриване
Объятий братских близок час,
И радуемся мы заране.

Наш поезд розами встречали,
Как песнь о радостном начале,
Табидзе первый тост — сердца
Соединятся, как бокалы.
И тостам не было конца,
Хоть были мы с пути усталы.
Да, Тихонова и Яшвили,
Как сестры, музы обнялись.
Не зря мы в верности клялись —
Мы ту сердечность сохранили.

Друзья! Теперь иных уж нет —
Нет Паоло, нет Тициана [1].
Но ток приязни постоянный
Не ослабел за много лет.
Пусть запушила сединой
Зима иным и чуб и темя,

---

[1] Паоло — Яшвили, Тициан — Табидзе, Георгий — Леонидзе, Ираклий — Абашидзе, Симон — Чиковани, Бесо — Жгенти. Автор следует существующему в Грузии обычаю называть своих известных литераторов по именам.

Поэзия в родстве с весной,
И музам стариться не время.
Стихи грузинские давно
Нас радуют и в переводе —
Им зноем лирики дано
Снискать любовь в любом народе.
Георгий, ты хотя и сед,
Мед мудрости и вихрь дерзанья
В стихе, что зорями согрет,
Омыт кипучей Алазанью.
Ираклий, Симон и Бесо,
Я поднимаю тост заздравный,
Чтоб милой Грузии лицо
Лавр украшал вовеки славный,
Чтоб лира с виноградной гроздью
Дружили в жизни и в труде,
Чтобы, как дорогую гостью,
Народ приветствовал везде
Поэзию, — чтоб средь наград
Сверкал и стих грузинский в славе
Коммунистических бригад
На Зестафони и в Рустави.

ИОСИФУ УТКИНУ

1

Не бродить уж нам, Иосиф,
Переулками Москвы;
Нового стихотворенья
Не прочтете больше Вы,

На скамье ль у Патриарших,
В переулке ли Кривом,
И с хрустящего морозца
Не вернемся в светлый дом,

Где под кровлею поэта
Все у Вас припасено:
Откровенность и в бокалах
Подогретое вино.

2

Красивый, жизнь он прожил гордо,
Служа Отчизне и Мечте.

Он, партизанивший в Сибири,
Не позабыл дороги те —

Сыпнотифозные бараки,
Обрез сектанта-кулака,
И арестантов за решеткой
У адмирала Колчака,

И бронепоезда, к перронам
Идущие в кромешной мгле,
Чтоб матери от слез не слепли,
Чтоб Счастье было на Земле.

И снова, снова — в сорок первом —
В дождливый полдень по жнивью
Он под обстрелом минометным
В атаку часть повел свою!

Теперь о нем умолкли споры,
И в мраморных чертах лица
Я вижу мужество и нежность
Поэта, друга и бойца.

* * *

Поэт гордится, обличив
Любителей банальных истин;
Не в меньшей мере ненавистен
Тот, кто корыстен или лжив.

Поэзия — высокий суд,
Поэзия — отважный труд.

РОЖДЕНИЕ СТИХА

1

Не знаю — сон ли, пробужденье,
Но век поднять я не могу,
И это новых строк рожденье
В рассветный час в моем мозгу.

Слова слепые и сырые
Чуть шевелятся в полусне.
Им строй и зренье дать впервые
Лежит обязанность на мне.

2

По верной трассе во Вселенной
Ракеты, вижу я, летят.
А ты, мой стих, — несовременный,
Неуправляемый снаряд!

Не то чтоб разум был в загоне,
Не то чтобы слепая страсть,

Но есть в лирическом законе
И своеволие, и власть.

3

Поэзия — ты не учебник,
Как борщ варить, как платье шить.
Поэзия, ты не лечебник —
Как боли сердца заглушить.

Как тайну разгадать: что ты?
Вопрос один — ответов много,
Но знаю — можно жить без бога
И жить нельзя без красоты.

ПОЭЗИЯ

Поэт — это арфа и зеркало чистое,
А жизнь — изобилие щедрых даров:
И песнь журавлей, и заря золотистая,
И вихрь, и чугунная чернь вечеров.

Беда, если струны фальшивят, а трещины
Бегут по стеклу, словно сеть паука.
И арфе, и зеркалу честность завещана.
А нет ее — мертвой родится строка.

ВАЯНИЕ

Михаилу Дудину

Природа — грубое сырье
Творений всех необычайных.
Кроши гранит,
Кромсай корье —
И ты в ее проникнешь тайны.

Из-под резца,
Из-под ножа,
При свете разума и чувства
В прекрасной наготе дрожа,
Она предстанет как искусство.

МУЗЫКА

Да, новый мир еще «в клавире», —
Сказал бы мастер-симфонист.
Но мы живем уже в том мире,
И он сквозь даль годов лучист.

И мнится — крылья за плечами,
Уже не шаг — уже полет.
В полифоническом звучаньи
Гимн человечеству встает.

СОБЬ

Собь — свойства нравственные, духовные и все личные качества человека. Собь наша держится на любви к миру и любви к самому себе.

В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка

Такое маленькое слово!
Такая крохотная дробь!
И лишь меня, а не другого
Определяет это — «собь».

С любовью к миру сокровенной
Собь назначению верна
Особой быть во всей вселенной:
Она средь множества — одна.

Собь — я со всеми потрохами,
Все, что я ставлю во главу;
Собь — я с делами и стихами,
И в общем — для чего живу.

* * *

«Печальна плоть, увы, и я прочел все книги» [1].
В плену своих испепеленных дней
Комету ожидали забулдыги
И апокалиптических коней.

Коней и след простыл! И новый мир возник.
Сначала дик, суров, необитаем,
Он атомных чудес предстанет раем.
Я жизни радуюсь и жажду новых книг.

---

[1] Знаменитый стих французского поэта XIX века Стефана Малларме.

ИЛЬЕ СЕЛЬВИНСКОМУ

Внесли нас матери-кормилицы
В двадцатый век. Но первый крик,
Как буква первая кириллицы,
В том девятнадцатом возник.

Мы шли путями многоверстными
То врозь, то рядом — Вы и я.
Мы сверстники — в одной заверстаны
Советской Книге бытия.

НИКОЛАЮ РЫЛЕНКОВУ

Нужны ли колдовские наговоры,
Когда иные верные слова
　　С души тяжелые затворы
　　Срывают, как разрыв-трава.
А там в раскрытой глубине душевной
Сверканье самородков золотых.
　　Так служит людям наш напевный
　　И чудодействующий стих.

ПАЛОМНИЧЕСТВО В ОВИДИОПОЛЬ

В Овидиополь в августовский день
Мы прибыли, чтоб дань отдать поэту.
Но невзлюбили землю эту,
Зане, Овидия страдальческая тень,
Там не нашли тебя; но жадно тень любую
Искали в городке, что влип и в зной, и в лень,
Как мазь колесная густую.
Здесь у Днестровского лимана
Пошевелиться ветру было лень,
А на зубах — и пыль, и горький вкус обмана.
Не набрели мы на священный след!
Овидия там не было и нет...

„ПЫЛАЮЩИЙ ОСТРОВ"

Роману Кармену,
создателю фильма

Испанию, Баку, Вьетнам
Познал я Вашими глазами,
И Куба воссияла нам,
Чей дух, чей взор, чье сердце — пламя.

Кубинский я люблю народ
В его труде, в его веселье,
В борьбе, какую он ведет,
Идя к высокой доброй цели.

Герой страны — премьер-министр.
Все для его раздумий тема —
От содержимого канистр
До содержания поэмы.

Вздохнула вольно в первый раз
Ты, Куба! Даже и сквозь бури
Теперь-то Буэноветуре
Дорога в школу, в первый класс!

Вот старый рубщик тростника
Счастливой радуется доле,

И руку Кастро жмет рука
В коричневой коре мозолей.

Гавана нежно-голубая.
Уходят зданья в высоту.
И вдруг тревога боевая.
Сыны отчизны на посту.

О Куба, сердцу милый край!
За помрачневшую Гавану,
За каждую слезу и рану
Врагов отчизны покарай!

Рванулось извергов немало,
Вооруженных до зубов.
Но Куба вольная не стала
Согбенной Кубою рабов.

Нет, Кубу не обречь на муку
Заокеанским палачам!
Весь мир протягивает руку
Отважнейшим бородачам!

И армии народной шаг
В самоотверженной Гаване
Таков, что похороны враг
Свои закажет пусть заране.

Да, я в Гаване побывал —
Я фильм увидел вдохновенный,
И за «магический кристалл»
Спасибо мастеру — Кармену.

* * *

Кукушка долго куковала,
Охрипла даже... — Ну, живи! —
Но и шестидесяти мало
Для счастья, творчества, любви.

И радуюсь я год за годом
Поэтов свежим голосам —
Добротным сотам с красным медом,
И не бездельничаю сам.

От целой бочки трав целебных
Тому и малой пользы нет,
Кто, века своего нахлебник,
На печь забрался... Мой завет:

Не с горем пополам отчизне
Служи, а с ревностью двойной.
И что считать года, коль жизнью
Живешь единой со страной!

ПОСЛЕ ЮБИЛЕЯ

Когда заняться самоизученьем?
Нет времени удобнее бритья!
И через день с немалым огорченьем
В лицо невольно вглядываюсь я.

Пусть я наполовину стал седым
И возраст сделал возле губ отметки,
Прошу считать и дальше молодым,
Поскольку есть в мозгу живые клетки.

Мой шаг, приходится иметь в виду,
Не очень тверд становится с годами,
И, если руку предлагаю даме,
Одышка настигает на ходу.

Но хочется, поверив юбилейной
Хвале знакомых, что упадка нет,
Прожить, ну, скажем, восемьдесят лет,
Слагая жизни гимн благоговейный,

Чтоб никогда не ослабело зренье,
Следя за ростом стебля, за звездой,
Чтоб не узнали по стихотворенью,
Кто автор — старый или молодой.

* * *

Прошу, художник, будь неумолим,
Меня по правде напиши таким:
С лицом, в котором отразилась осень,
Со ртом слегка презрительным, сухим,
С характерным, как говорится, носом.

Но, справедлив, ты сохрани черту
Существенную — взгляда остроту,
Внимательного к миру, людям, птицам,
И скрытую, быть может, доброту
Во мне, когда-то бывшем остролицым.

Нерасторопен смолоду, тяжелым
Я стал и на порыв, и на подъем,
И все-таки, «божественным глаголом»
Касаемый, и я томлюсь о нем,
Чтоб яростно трудиться день за днем.

Художник, если хоть немного ты
Со мною схож, то передай черты,
Какие правде слов моих не чужды.
Писать лицо поэта без мечты,
Без глаз открытых, пристальных —
что нужды?..

Сентябрь—октябрь 1961 г.

ФЛАГ

Болгар бело-зелено-красный флаг,
Три цвета я расшифровал бы так:

Сравню я белый с северной зимой,
С вершиной горной — с мудростью самой.

Зеленый — это юность и весна,
И радость жизни в нем отражена.

А третья полоса его красна.
Кровь битв за Счастье вобрала она.

Дорога София — Рила
17 октября 1961 г.

РУСЕ. ГРАНИЦА

С гор сходят партизаны.
Распахнуты темницы.
Грохочет на Балканах
«Ура» по всей границе.

Ламар (1944 г.)

Солдаты — москвичи, волжане,
Украинцы... И, с гор лесных
Сойдя тропою партизаньей,
Болгары обнимают их.

Вершины и стремнины, Искэр [1].
Подъем из котловины крут.
Копыта выбивают искры.
Клубится пыль. Войска идут...

Встречают города и села
Освободителей-друзей
И розами и хлебом — солью
Болгарии счастливой всей.

---

[1] Искэр — река.

Проносятся леса и горы,
Запомнившие встречу ту.
«Москва — София» — мчится скорый
И набирает высоту.

28 сентября

ТУННЕЛИ

Туннель — вагон на вылете
Над Искэром, у скал.
И валуны... Не вы ли те,
Что Вазов описал?

То рощицы зеленые,
То горных высей цепь.
И овцы запыленные —
Такие же, как степь.

Руса — София
28 сентября

ВПЕРВЫЕ НА БОЛГАРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Шла война на Балканах.
За свободу болгар
Шли солдаты России
На штыки янычар.

Шли по тропам балканским
И тонули в снегу.
Обелиски в их память
На каждом шагу.

С русским войском, в тяжелых
Сапогах и с мешком
Шел солдат невысокий
Месяцами пешком.

Он, исколот метелью,
У костров ночевал.
Снова за перевалом
Вырастал перевал.

Пехотинец тот русский —
Юрий Гатов, мой дед.
Я узнал его старым,
Мне же было семь лет.

— Расскажи мне
О русско-турецкой войне!
Все о Шипке, о Плевне
Рассказывай мне!

Пробуждался у деда
Воинственный жар —
Он был горд, что сражался
За свободу болгар,

Что осталась под Плевной
Капля крови его,
Что с болгарами он
Разделил торжество.

О Болгария, горд я,
Что Ботева стих
Жизнь вторую обрел
В переводах моих!

Что для Смирненского,
Как орбиту светил,
К сердцу русскому
Путь я стихом проложил.

Я Димитрова слушал
Открытой душой:

Вождь, мыслитель, трибун,
Он вожатый и мой.

Внемлю, край возрожденный,
Кавалам твоим,
Я любуюсь тобой,
Трубадур-пилигрим.

Я любуюсь тобой,
Восторгаюсь тобой!
В ясный день и в ненастье
София — с Москвой!

София
29 сентября

* * *

В болгарском языке есть пафоса черты
Для слуха русского: не пальцы, а персты,
Не губы, а уста. Один — славянский — корень,
Но дал он два ствола чудесной высоты.

Золотые Пески
4 октября

СТАРОМУ ДУБУ ПОД ВАРНОЙ

Болгарский старый дуб, прими
Поклон от русского поэта.
Ты мне могучей крепью мил,
Но дорого не только это.

Зарю мильоны раз встречал
Ты, добрым солнцем озаренный,
И стольких кораблей причал
Приветствовал широкой кроной.

Кто знает, может быть, под ней
Стоял великий наш Суворов,
Следя за делом пушкарей
И бравым шагом гренадеров?

Быть может, в семьдесят восьмом
Мой дед стоял здесь на привале —
На море нежно-голубом
Глаза солдата отдыхали?

Минула эра битв и бед.
Иная жизнь пришла к болгарам.
Просох войны горячий след,
Оставшийся под дубом старым.

Ты брат, народ болгарский, всем.
В сражении за мир мы вместе,
И в сердце благородном нем
И клич вражды и голос мести.

Народы все тебе милы,
Болгария, держава мира!
Гостям накрыты здесь столы
Из всех краев большого мира.

На взгорье, где «стари́ат дъб»
И где манят морские дали,
Мой туристический корабль
Стоит неделю на причале.

Ты стар, мой двухсотлетний друг,
Но зелен будешь в мире новом,
И будет только мир вокруг
Здесь под любым болгарским кровом.

Варна
6 октября

ШОССЕ ВАРНА — БУРГАС

По дороге на Бургас
Те же степи, что у нас.
То — дубовые леса,
То — морская полоса.

На равнинах полусонных
Не летают — бродят чайки.
Высыхают на балконах
Тыквы, перец и початки.

Едем дальше — виноград,
Грóзде [1]. Ах, какие грозди!
Матовые — в дымке росной —
Янтарем они висят.

Из артельного двора —
Гул ремонта, звон металла:
Санаторская пора
И для трактора настала.

[1] Грозде — по-болгарски виноград.

*

И с улыбкой на челе
Шлют и мне слова привета
Те, кто трудятся на этой
Исстрадавшейся земле,
Возродившейся земле...

Золотой Берег

НЕСЕБР

Несебр — древнегреческая Месемврия — полуостров на Черном море, связанный с сушей узкой трехсотметровой полосой земли.

Месемврия передо мною —
Капителей, фризов куски,
Поломанный торс Диониса,
Венера, как все — без руки...

И стала земля эта ссылкой
Опальных вельмож и царей,
Что прибыли из Византии
С тоской неизбывной о ней.

Опасен был путь из Царьграда.
Отважных купцов корабли
Изгнанникам пурпур, запястья
И кипрского бочки везли;

Здесь, якорь из меди бросая,
Шли кормчие по мостовой,
Чтоб свечку поставить витую —
Да бог пощадит их морской!

Изгнанники в ризах парчовых,
И кубки и розы в руках,
Но горечь и ненависть в сердце
И яд на их узких губах.

А там в византийских чертогах
Прощения им не дадут.
Пируйте, служите молебны,
Надеясь на праведный суд!

И в темных церквушках-музеях
Я в их тишине уловил
Тех дальних времен литургии
И отсветы паникадил.

Столетьями здесь длинношеих
Не видел никто кораблей.
Рыбак из ловецкой артели —
В привычной моторке своей.

Косяк черноморской кефали
Он выследил у берегов —
И ночью с капроновой сетью
Флотилия выйдет на лов.

А камни величья былого
Замшелы, черны и грустны.
И бродят болгарские куры
В обломках седой старины.

Несебр
Октябрь

АЛЕША

Болгарский народ любовно называет Алешей величественный памятник освободителям в Пловдиве, увенчанный фигурой советского солдата.

У Болгарии в душе хорошей
Образ воина Советов жив,
И народ зовет его Алешей,
Нежность в имя русское вложив.

Сильный, в плащ-палатке и в пилотке,
В пыльных и тяжелых сапогах,
Бил он по врагу прямой наводкой.
Тот же верный автомат в руках.

И затворы он сбивал прикладом
С казематов и концлагерей,
Узников встречал и добрым взглядом
Согревал детей и матерей.

Всем помог — и русским, и болгарам.
Чехов он освобождал, румын.

Дорог людям молодым и старым
Родины моей любимый сын.

Бескорыстен — золота не надо, —
Разве только матери — платок,
И одна лишь гордость и отрада,
Что Свободу он добыть помог.

Пловдив
20 октября

НА ШИПКЕ ВСЕ СПОКОЙНО

Во время русско-турецкой войны, жителями Самары было прислано болгарским ополченцам знамя, на котором был изображен лев, что означало — бейтесь, как львы.

Могила братская. Литой,
Сойдя со знамени Самары,
Встал лев над траурной плитой.
Спят россияне, спят болгары.

Покой героев в их гробнице
Лев охраняет, горд и хмур.
А где-то снова шевелится
Рука убийцы, что грозится
Зажечь войны бикфордов шнур.

Здесь, где земля опалена,
Где пядь ее любая в ранах,
Главу склоняет скорбно правнук,
Прочтя погибших имена
У этих пушек достославных.

Да позабудет мир о войнах,
О головешках и золе —
Вовек да будет всё спокойно
На Шипке, как на всей земле.

Шипка
Октябрь

ГАБРОВО

«Габрово — болгарский Манчестер —
Славится текстилем и обувью» —
Это из путеводителя...
                        Труд его честный
Славлю с любовью особою.

Габрово — памятник Сентябрю,
Но живой, из крови и плоти.
Сердце, стремящееся в зарю,
Возле каждой машины найдете!

Суровое Габрово дорого мне.
Расти, стань мощнее, чем прежде!
Да так, чтоб улыбка в каждом окне
У труженика в коттедже!

Здесь есть у архитекторов вкус.
Здесь люди простые и сильные.
Здесь музыка — новой материи хруст
На автоматической линии.

Аз Габрову сердцем честь воздам —
Энергией лирической.
Слава горячим рукам
Державы социалистической!

Габрово
20 октября

КОЛЛЕКЦИЯ ЧУЧЕЛ В БОРОВЦЕ

В Бо́ровце, в лесистых горах, находится дом отдыха, расположенный во дворце — «охотничьем домике» — последних болгарских монархов Фердинанда I и Бориса. По приказу Бориса в фашистские времена были казнены многие лучшие представители народа, в том числе поэт Никола Вапцаров.

По всем коридорам дворца
Рога разветвились оленьи.
И головы их. И печалит сердца
О гибели их сожаленье.
Я вижу, как царь на мушку берет
Загнанное животное кроткое.
Я вижу монарха оскаленный рот
Над раздушенной бородкою.

Оленям и мертвым не по себе —
Ведь рядом
Клыкастые морды кабаньи.
Под ними подписано
«Ф» или «Б».

То честолюбивое воспоминанье
Охотника венценосного — да,
То царские инициалы и даты:
Борис, Фердинанд ли убил
                                        и когда
Вселились трофеи в палаты.

Но перед лисицей и кабаном
И возле коварной рыси
Все думал я в Боровце об одном —
О нем, этом «Б» — о Борисе.
Смотрел я на вепря и видел царя!
И «Ф» и «Б» — эти двое
Под хищниками расписались не зря:
Портретное сходство большое...

ТРИ ПУШКИНСКИХ СУВЕНИРА

В Софию я привез три пушкинских значка —
Три купленных случайно сувенира
С изображеньем памятника; смысл
Здесь обрели три маленьких подарка,
Которые я, русский, сделать смог.

Младен Исаев. Мужество и правда —
Поэзии его большие крылья.
Лети же, Птица, и минуй границы,
Лети и гнезда вей в сердцах людей!
А русских, нас не волновать не может
Им созданный болгарский перевод
«Евгения Онегина» и Блока.
Значок — из алюминия... Где лавры,
Награда за высокий этот труд?

Иван Мартинов. В дом его зайдя,
На книжных полках над столом рабочим
Увидел я те книги, что ему
Нужны в его труде и, значит, в жизни.

Толстой и Достоевский — том за томом —
И строй советских авторов, которым
Несет он дань признанья и любви.
А на стенах — там лиц немного в рамках —
Толстой и Пушкин, репинский... Иван!
Я знаю, автор «Капитанской дочки» —
Учитель мудрый твой и мой... По праву
У сердца можешь ты носить значок.
О слово Пушкина, ты светишь солнцем
И нам, и всем народам на земле!

А третий мой значок на самолете
Умчался в Африку — с кенийцем, негром.
Кениец Питер Кабуту, борец
За независимость своей отчизны,
С восторгом принял дар мой — добрый знак
Советско-африканской нашей дружбы.
Не символично ли, что наша встреча
Произошла в Болгарии, равно
Гостеприимной к русскому и негру?

Три пушкинских значка, три светлых встречи!

Варна
10 октября

ЗЛАТЮ БОЯДЖИЕВУ

(Из Ивана Давидкова)

Вокруг цвета осенней благодати,
И на палитре у тебя они.
Как тесен мир больницы! Встань, мой Златю [1],
На Брезово холмистое взгляни!

Сияньем полю хочется излиться.
С несмелой палочкой по мостовой
Пойдешь туда, где старые криницы,
Засыпанные пестрою листвой.

Из темной рощи белых коз в деревню
Спускается клубящийся поток.
Ты властью красоты волшебной, древней,
Слуга ее, недуг свой превозмог!

---

[1] Златю Бояджиев — выдающийся современный болгарский художник. Он родился в селе Брезово. Природе и жизни этого села посвящены многие полотна Бояджиева. Златю Бояджиев проявил настоящий героизм: после паралича правой стороны тела он ценой невероятных усилий и тренировок научился писать левой рукой.

Могучий дух не сокрушат удары,
Параличу кистей не отдал ты —
И вновь на полотне твоем чинары
И смелые фантазии цветы.

Тобою будут властвовать Балканы
И котловины их с извечной мглой,
Пока ты жив, пока ты сам не станешь
Земли болгарской горстью золотой.

Душе искусство не дает покоя,
Ему нет дела — ты устал иль стар.
Встречаешь день с открытою душою,
И в ней бушует радости пожар.

* * *

Я — сын страны, где женщины красивы,
У глаз их небу синевы б занять.
Но, верьте, было бы несправедливо
О красоте болгарки промолчать!

О, трепет лани, на уступе горном
Стоящей над балканской крутизной,
И взор, горящий бриллиантом черным,
Ночное солнце роскоши земной!

Добейся, чтобы, властный и единый,
Ее судьбой и жизнью стал бы ты,
Иначе камнем скатишься в стремнину
С недостижимой этой высоты.

В ней тюркский жар и широта славянства,
Фракийская клокочущая кровь.
И все же доброты, и постоянства,
И верности исполнена любовь.

ЕДИНСТВО

Одна звезда нетленная над нами.

Мы — как тысячелетние дубы,
Могучими переплелись ветвями
Извечной дружбы и судьбы.

Мы — словно два клубящихся потока,
Родившихся среди различных гор,
Одной рекою плавной и широкой
Выходим в мировой простор.

Мы — как два дома под одною кровлей,
Свободе преданные две страны.
Болгарской кровью и советской кровью
Любовь и верность скреплены.

И столько ослепительных восходов
Еще нам вместе встретить суждено.
Мы — две державы, два народа,
Но сердце у двоих — одно.

Варна
7 октября

Один год

Век знамя боевое поднял.
Мрак должен покориться свету.
Как можно умереть сегодня
И завтра не прочесть газету?

1918

С юных лет
влекут меня
Правда века,
злоба дня.

1961

ПЯТИКОНЕЧНАЯ ЗВЕЗДА

Огромен мир разноплеменный,
И в нем еще кипит вражда.
И все ж на многие знамена
Взошла октябрьская звезда.

Пять звезд на знамени Китая,
Над Африкою их лучи,
Людей к свободе призывая,
Как голос правды, горячи.

На красном и трехцветном поле
Те звезды значат — никогда
Народы не загнать в неволю
Из мира братства и труда.

ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ

Года дерзаний, счастья годы!
Пылают зорями вдали
Года, что в летопись народов
Строкою красною вошли.

Высокозвездный год минувший,
В глубины космоса шагнувший,
Он мир своей измерил мерой,
Программу Партии держа —
Людскую жизнь,
Людскую веру
От рубежа до рубежа...

ЛЕНИН

Горжусь я с Родиною вместе,
Что Ленин — русский человек,
Что вывел он на подвиг чести,
На бой за мир Двадцатый Век.

Как вождь, как истинный волжанин,
Он бросил вызов миру зла,
И над земными рубежами
Звезда возмездия взошла.

Он родился в семидесятом —
В году, который был чреват
Коммуны знаменем крылатым,
Огнем парижских баррикад.

И от Парижа до Симбирска
Прошел тогда сквозь души ток,
Что, вспыхнув большевистской искрой,
Зарю октябрьскую зажег.

Так, дух мятежный и суровый
И Маркса мысль соединя,
Он стал творцом эпохи новой,
России будущего дня.

Из поколенья в поколенье
Бойцам, поэтам, горновым
Протягивает руку Ленин
И с пьедестала сходит к ним.

В сердцах народов имя-знамя.
Во славу ленинской земли
Атомоход в бою со льдами
И мчатся в космос корабли.

Заводы как стальные оды,
Пшеничный гимн! Плечо к плечу
За счастье борются народы
И строят жизнь по Ильичу.

* * *

Когда, работой увлечен,
Граню мои стихи один,
Я слышу голос веретен,
Я вижу плавный ход машин,
Огромный освещенный цех
И всю рабочую страну.

Я вижу тружеников всех,
Сплотившихся в семью одну.

Гаганова! И рядом с ней
Отважных и умелых строй
Ее соратников, друзей,
Достойных имени — герой.

Любую одолейте круть!
В забоях и на целине
Прямой прокладывайте путь
Коммунистической весне!

Она видна со всех дорог.
Сирень садов ее все ближе.
И, пусть не молод, я увижу
Мир изменившимся — дай срок!

ЭТО БУДЕТ

Это труд как наслаждение —
Многогранный и лучистый
Мир высокого кипения
Чистых дум и крови чистой.

Он творится нами, блещущий
Превосходными вещами —
И душевной откровенностью,
И правдивыми очами.

Этот мир трудолюбивыми
Будет выкован и создан —
Родины людьми счастливыми,
Близкими земле и звездам.

* * *

Счастливым месяцем апрель слывет —
Рожденье Ленина, космический полет.

ОТРАЖЕНИЕ

Гагарин! Свершив небывалое — чудо! —
Он, с юной улыбкой вернувшись оттуда,
Так просто сказал, что — ни травм, ни ушибов...
О, скромность! За храбрость, за подвиг спасибо,
За то, что в свершившемся отражены
Величие Партии, сила Страны.

АВГУСТА ШЕСТОЕ

Воскресенье, августа шестое
В летописи подвигов войдет —
Германа Титова боевое
Мужество и сказочный полет.

Это правда правд, что свет с востока!
В космосе кружит второй «Восток».
Будь прославлен, наш советский сокол,
Совершавший за витком виток!

Облетел он столько раз планету,
На которой храбрым вырос он,
В Будущее, к радости и свету
Сердцем коммуниста устремлен.

За Гагариным — Титов... О, стая
Славного советского гнезда!
Светит вам и в космосе большая
Лениным зажженная звезда!

6 августа 1961 г.

БАЛЛАДА О КОСМОНАВТАХ

Спросил я у ветра, у птицы
О подвигах этих людей.
Ответила быстрая птица:
— Да с ними орлу не сравниться!
Они и быстрей, и смелей.

А ветер гудел: — Да куда мне!
Сдаюсь космонавтам и я.
Угнаться за ними — куда мне!
Летаю я над облаками.
К созвездьям — отважных стезя!

Луна мне сказала: — Я завтра
Героев к себе позову.
Уже недалеко то завтра,
Когда я друзей-космонавтов
Увидеть смогу наяву.

К ОТКРЫТИЮ ПАМЯТНИКА НЕИЗВЕСТНОМУ МАТРОСУ

О тех, кто крови не жалел — и жизни! —
Во имя Родины. Пройдут века,
Но светлым будешь ты в моей отчизне,
Отлитый в бронзе образ моряка —
Десантника, идущего во мгле,
Грохочущей осенними штормами,
Захлебываясь, — чтобы на скале
Под навесным огнем зардело знамя, —
Подводника, кто вел корабль наверх,
Чтоб неприятеля взорвать торпедой...
О, водный смерч, багряный фейерверк,
Над морем взвихриваемый победой!
Враги, я слышал, «полосатой смертью»
Назвали наших храбрых моряков.
Девятым валом шли они в бессмертье,
Как на один из взятых берегов.

КРЫМ

Мне край этот издавна мил.
Мою он уносит усталость.
Им много творцов любовалось.
Но, боже мой, сколько могил
В Крыму благодатном осталось.

О сечах, о подвиге бранном,
О встречах копья с ятаганом,
О тех, кто, сражаясь, погиб,
Казачьи большие курганы
Поведать потомкам могли б.

Могилы имперских солдат,
Что шли два столетья назад
С тяжелым оружьем кремневым.
А много ль вернулось назад?
Земля эта стала им кровом.

Защитников Крыма тела,
В могилах зарытые братских...

Сто лет уже, как приняла
Героев в шинелях солдатских
Земля — кремениста, гола.

Могилы бойцов-партизан,
Расстрелянных или от ран
Скончавшихся в гнездах орлиных,
И летчиков, что на таран
Шли с моря, сгорая в долинах.

Мне край этот издавна мил.
Мою он уносит усталость.
Им много творцов любовалось.
Но, боже мой, сколько могил
На крымских дорогах осталось!

* * *

Мир!
Забудется древнее слово «враги».
Ни угроз, ни войны, ни бездомных,
Потерявших свои очаги.

Мир!
Весеннее доброе слово.
Небо синее,
Звуки симфонии новой
И любовь!
. . .Я с тобой и в горящем лесу.
Я тебя от огня и от зверя спасу!
Я с тобою! . .
Редей же, военная мгла!
Здравствуй, мир — эра братства, любви и тепла!

БОННСКАЯ КАРТИНА

Извергнуто
Трубными хайлами
«Nach Osten»
И поднят кулак.
Юнцы маршируют
И с «хайлями»
Вбивают
Свой фридрихов шаг.

Но в лунную ночь,
Возле ратуши
И в парке бродя городском,
Где клены осенние
В затиши
Лепечут о счастье людском, —

Двум юным,
Гертруде и Эрику,
Двум любящим
Не до войны.

Так пусть
Остаются в Америке
Ракеты,
Что им не нужны.

Им тошно
От атомной одури!
А звуки свирелей чисты
И те же
На Рейне и Одере
Растут полевые цветы...

Ветви
и паветви

АПРЕЛЬ

Еще на дальнем севере метели,
Но в Подмосковье полдни горячи,
И, прилетев, справляют новоселье
Саврасовские умные грачи.
И, лед сломав, проснувшиеся реки
Расковывают силы в человеке.
Мечтать! Творить! Дерзать и побеждать!
Исследуй мир, ищи первопричины,
Твердь распахни, как общую тетрадь,
Под грохот льдин и благовест грачиный.

МИМОЗА

Еще метели и морозы,
Сухой и легкий снег вокруг,
Но самолетами с мимозой
Москву одаривает юг.

Так в нашу быль влетает сказка
На механическом крыле.
Я счастлив щедростью абхазской —
Мимоза на моем столе.

Мимоза чем-то схожа с вербой,
Как младшая ее сестра.
Но Золотая входит первой
В мир хрусталя и серебра.

Она похожа на южанку,
Что, не щадя румянец свой,
Надев мохнатую ушанку,
Идет заснеженной Москвой.

ЖИЗНЬ

Минувшего зарубки — в памяти:
Дерзанья,
Странствия
И труд.
. . .Но ветви гибкие и пáветви
На дереве
Еще растут.
И, старое, оно —
Пристанище
Усталым птицам в перелет.
И если стужа,
Ветер ранящий
Кору терзает,
Ветви рвет, —
Ствол, теплым радуясь ветрам,
Вновь зашумит зеленой кроною,
Умытой солнцем
По утрам,
А в час ночной
Осеребренною. . .

ПОДСНЕЖНИК

Он поднимается из снега.
Скромна его голубизна.
Ведь эту краску взяв у неба,
Свой почерк пробует весна.

Но тает снег, и одиноко
На пожелтевшем стебельке
Так часто вянет он до срока,
Не побывав ни в чьей руке.

В КОМАРОВЕ[1]

Сосны, тропинка
И финские санки.
Здесь на скамейке
Сидел я с Бианки.

Был он своим
Для пернатого круга.
Птицы с усердием
Пели для друга.

Это — снегирь,
Виртуоз несомненный,
Русской зимы
Соловей вдохновенный.

И вроде детской свистелки
Синица —

---

[1] Комарово — на Карельском перешейке.

Тоненько-тоненько
Петь мастерица.

Дятел, что знает
Одну только ноту
И никогда
Не собьется со счету.

Слушали птиц
Эйхенбаум, Бианки.
Нет их! Но я еще
На полустанке...

Так погрустить об ушедших
Не мне ли?
Слышу сорок,
Верещат свиристели.

Реквием? Нет,
Это в воздухе зимнем
Жизни и радости
Скромные гимны, —

Жизни повсюду
И здесь в Комарове —
В каждом дыханье
И в музыке, в слове.

Великодушные
Зиму и лето,
С нами вы, птицы!
Спасибо за это!

ТРЯСОГУЗКИ

На длинных тонких ножках,
Фрака фалды,
И на головке белое пятно.
А ей такого блеска не дано!
Она — серей, скромнее...
Дождевая
Влечет их лужица
В полдневный час.
Печет. Им жарко.
Вместе подбегают
К воде, чтоб окунуться — и не раз...
На телеграфном проводе
Их рядом
Видал ли ты,
Когда природа вся
Блестит пред их настороженным взглядом
Росой в лучах зари?
Свои хвосты тряся

На фоне желтом неба, трясогузки
Приметой милой в этот кадр вошли:
Чета любуется природой русской,
Неяркой прелестью родной земли.

* * *

Он шел сквозь голубое утро
По крышам,
Над кипеньем рощ,
Слепым считающийся,
Мудрый
И не слепой,
А зоркий дождь, —

По бороздам лилово-сизым,
Пред ним раскинувшимся,
Шел
С уверенностью — все по силам,
Чтоб людям было хорошо;

Перешагнув меридианы
Во имя жизни и добра,
Светловолосый,
Долгожданный,

Поля из полного ведра
Поил по-братски влагой чистой,
Согретой золотым лучом.

И молодому трактористу
Промокнуть было нипочем.

* * *

Под русским небом благосклонным,
Чья беспредельна синева,
Сверкает бисером зеленым
Березы дробная листва.

Да кто примет ее не знает!
Но приглядись к ее коре,
Чей блеск атласный
оттеняет
Узор, как чернь на серебре.

И сосны вкруг нее стеною,
И неусыпен их дозор,
И чистой этой красотою
Залюбовался старый бор.

ПОЗЫВНЫЕ

Людмиле

Стемнело. Небо стало черным.
Вихрь, обернувшийся грозой,
Березу выворотил с корнем
И молнией сверкнул кривой.

Как одержимый, свирепея,
Лил ливень, и под вопли те
От ужаса еще бледнее
Березы стали в темноте.

Гроза прошла, и вырезные
Сверкают листья, воздух чист.
И в тишине, как позывные, —
Одна лишь фраза! — птичий свист.

То, верно, молодая птаха
По всем законам естества,
Едва избавившись от страха,
Сигналит близким: «Я жива!»

СИНИЦА

Солнце в кисее красно,
Ведьма-стужа злится.
Я на миг открыл окно:
— Гостьей будь, синица!

Близь бела, и даль бела,
И звонят метели
В белые колокола
Оснеженных елей.

Отогрейся у огня,
Добрая пичуга!
Приютят ли и меня
Где-нибудь как друга?

ПОД ПАЛЬМОВЫМ ЛИСТОМ В ГАГРАХ

Восходит солнце, разгоняя мрак.
Шатер банана пред моим балконом.
Огромный лист трепещет, словно флаг,
А нераскрывшийся торчит рулоном,
Чтоб тоже стать полотнищем зеленым.

Переселенец из далеких стран,
Не плодоносишь ты у нас, банан,
Тебе под солнцем Гагр холодновато —
В субтропиках о тропиках тоска.
Не то что, северяне, мы бока
Спешим погреть перед зимой косматой
И днями пасмурными без числа.

Не зря и пальма крону вознесла
Короной королевскою зубчатой.
Ведь под широким пальмовым листом
Такой же, как на всех меридианах,
Воробышек себе находит дом —
Гостиницу в блужданьях постоянных, —
От зноя прячась в пальмовую тень
И под зеленый зонт — в дождливый день...

ПИЦУНДА

Ночь. Море в покое стеклянном
И голос волны в полусне.
И месяц,
Серьгою цыгана
Висящий на древней сосне.

* * *

Меняется Черное море в лице,
То синем, то серо-зеленом,
И на горизонте в далеком конце
Смыкается черным кордоном.

Валы — словно конница, все в шишаках,
Украшенных перьями страуса.
А что, если там среди волн в беляках
Ладья — уж без мачты и паруса?

Дай бог, чтобы людям сквозь мрак штормовой
Звезда — их надежда — сияла!
...Вздымается море стеной водяной,
Громадой девятого вала...

КОЗЛЕНОК

Черное море
В покое ленивом.
Беленький козлик
Стоит над обрывом.

Здесь возле колышка
Ходит козленок,
И голосок его
Жалостлив, тонок.

Плачет козленок.
От голода, что ли?
Нет, и травы, и воды ему
Вволю.

Люди козу
Увели на рассвете!
Козлику страшно.
Один в целом свете...

БЕЛЫЙ КОТ ПОД ПАЛЬМОЙ

Ствол пальмы, в небо устремленный,
Венчает балдахин зеленый.
Кот белый как завороженный
Сидит часами у колонны
И смотрит вверх — в глазах тоска.
Ух, пальма, как ты высока!
И не зацепишься — скользка,
И нет ни ветки, ни сучка.

И я расчувствовался сразу
И соболезновал коту
В том, что бедняге верхолазу
Не взять такую высоту.
Напрасны домыслы мои!
Инстинктом мучимый звериным,
Он знал, что там под балдахином
Укрылись в листьях
воробьи.

ЧЕТЫРЕХПАЛЫЕ

Я посетил сухумский обезьянник,
Где, наблюдая маленьких и средних
(Там нет горилл!), увидел я чету
Гелат, живущих в чащах африканских!
Как будто в бурке, подняты их плечи,
И красный крест пылает на груди.
(Подумать можно, что миссионер.)
Спиною к нам лежал гелат. Супруга
Сосредоточена была на том,
Что очищала шерсть от крошек, пыли
У повелителя. Экскурсовод —
Наверно, кандидат наук — подробно
Раскрыл нам предысторию... Он был
Давно женат (не кандидат, конечно,
А возлежавший царственно гелат).
Прожив в семейном счастье восемь лет,
Прогнал он старую подругу жизни,
Скандалами разлуку предварив,
И в жены взял супругу помоложе,

В союзе новом обретя покой
И безмятежность! На глазах у нас
Обряд чесанья кончился, и вот
Гелата возлегла на одр, дабы
Супруг ей шерсть очистил от соринок.
То, что увидели мы, не вязалось
С молвой, что якобы четырехпалым
Все чуждо, кроме их инстинктов грубых,
Что нет у них семейных чувств и драм...

Мне поделиться хочется, друзья,
Еще одним сухумским наблюденьем.
Вольер пред нами — горы, камни, пихты,
Просторное жилье семьи макак.
Глава семьи огромной превосходит
Сородичей своих осанкой, ростом,
Мордастый, краснозадый и увечный —
С одной рукой; другую потерял
На поединке обезьяньей чести.
Когда к вольеру подошли, семья
Обедала... Отдельно от других
Глава семьи картошку жрал усердно,
Поглядывая в сторону, дабы
Обедали макаки благочинно,
Без драк, дабы вертлявые макаки
Не вырывали друг у дружки харч.
Вдруг, оторвавшись от одной из групп,
Стремительно метнулась обезьянка
К нему, жестикулируя, крича.
Мне комментировали эту сцену,
И, если с обезьяньего на русский
Перевести, смысл жалобы таков:

«Владыка, защити свою рабу!
Завистницы меня, тихоню, травят —
За что? За преданность мою тебе!
Картошку отнимают! Избивают!
Случилось все, когда ты отвернулся!
Ах, накажи изменниц, накажи!»
О нет, на провокации не падок,
Глава взглянул на жалобщицу так,
Что та назад попятилась и скрылась,
Злясь и кусая губы: «Не прошло!»
Картошку доедая, однорукий
Самодовольно думал: «Я — психолог,
Я знаю нрав и слабости макак.
Потворствовать не буду! Надо в страхе
Держать своих коварных жен и слуг...»

РОМАШКОВОЕ ПОЛЕ

Мы долго шли дорогою лесной,
Где пахло прелью, сыростью грибной.
Вдруг вышли на опушку — на большое
Ромашковое поле средь берез,
Едва трепещущих в лучах июля.
И несколько лимонниц и стрекоз
При нашем приближении вспорхнули...
В глазах Людмилы я увидел слезы.
Она припала к дереву щекой:
— Спасибо вам, ромашки и березы,
За белизну, за свет, за день такой!

* * *

Они друг друга в мире искали,
И, когда счастье пришло,
Сердец их коснулось крыло печали,
Птицы ночной крыло.

Откуда печаль? Быть может, тревога,
Что счастье непрочно,
Звезда высока,
Что к пропасти часто приводит дорога,
Где камни ворочает злая река?..

Был день бирюзов. Над рекою, ликуя,
Кружились ажурные крылья стрекоз.
А любящих губы слились в поцелуе
Счастливом и все-таки — с привкусом слез.

* * *

В каждой девушке есть
Привлекательное что-нибудь,
Чтобы стала она
Для кого-то родной и желанной,
Кто заглянет в глаза,
Чтобы в их глубине потонуть,
Полюбить ее голос,
Высокий он или гортанный.

О, как нужен ей друг,
Кто откроет вселенную ей!
Паутиною робости
Тайный огонь ее скован.
Подойди, одари ее счастьем
И лаской согрей!
Неужель ты лишен
Благородного чувства мужского?

ВЕСНА

Ты можешь счастье дать кому-то,
Тебя он ждет,
И грусти девичьей минуты
Пройдут, как лед.

Под небесами золотыми
Весны полет!
Твое он где-то шепчет имя,
Тебя он ждет.

И для него ты всех красивей —
Лишь ты одна.
Сливается с весной России
Любви весна.

* * *

Это женщины глаза,
Раньше добрые глаза,
Ныне — гнева полные.
То пылает в них гроза,
Шаровые молнии,
То мерцает синий лед —
Холод и безмолвие.

АРМЯНСКИЕ СЕРЕНАДЫ

1

Бархатная родинка. Ресницы бахромой.
И огонь пульсирует под румянцем смуглым.
Ты, сама не ведая, овладела мной,
Бывшим на пиру мирском сиротою круглым.
Но скажи — ты сможешь ли стать навек родной?

2

О, волосы, как небо черное!
О, волосы, как мир ночной,
Как темное ущелье горное,
Где пахнет южною сосной!

Я, запыленный и усталый,
Припав, как жаждущий к ручью,
Из чащи трепетной и алой —
Из милых губ блаженство пью.

3

Как ты нежна! Как ты смугла!
Ты путника с ума свела.
Ты — солнце отразивший, чистый
Душистый мед, а я — пчела!

Я в сердце сквозь глаза гляжу.
В тебя, как в облако, вхожу.
Тобой — ключом в пустыне знойной —
Я больше жизни дорожу.

СТАРЫЙ ГУЦУЛ В КОСОВЕ

Он шел с Верховины, трубку куря
Из вишни — резную, старинную.
Он в шляпе-крысане с пером глухаря,
Седые волосы длинные.

Улыбка в его васильковых глазах,
Улыбка запуталась в длинных усах.
«Гуцул — только тот, кто родился в горах,
А не на Косовской улице».
Нельзя им стать — огуцулиться.

Мне нравится он всей повадкой своей:
Открытое сердце, крепкие руки.
Он добрых таких же взрастил сыновей,
И в деда — красивые внуки...

ГЛИНА

У меня есть домашний заветный музей.
Это полка простая и фигурки на ней.

Украинские кони, медолюбец медведь
И петух, по-грузински готовый запеть.

Вострубивший счастливый рождения день,
Осетинский из горного леса олень.

Казахстанский сосуд — у него два крыла.
И болгарская лань рядом с ним прилегла.

Пред эстонской красавицей суслик у ног.
...Их облили глазурью, гончар их обжег

Так, как скульптор-француз мой — когда-то! — портрет.
Терракотовый, пламенем был он согрет.

Терракота старательно обожжена.
Я исчезну гораздо скорей, чем она.

Но пока ей в коллекции хрупкой моей
Место равное — глина, других не прочней.

Извините — прославленных статуй милей
Собирателю маленький этот музей.

К нежной лани, к оленю я сердцем прирос.
Я народов дыхание в глинах привез.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

1. Эпитафия

С многозначительным лицом
И со смеющимся лицом
Он жил на свете подлецом
И умер подлецом.

2. Сетование павлинихи

В Черновицком парке
Вожу я павлинят.
Перышки их ярки.
Хохолки горят.

Вспоминаю — в мае
Муж и властелин,
Веер раскрывая,
Ласков был павлин.

Это было в мае,
В мае — пред людьми,
А теперь одна я,
Брошена с детьми...

3. Близкое соседство

Различный характер,
Различный размах,
Ну, скажем, у соколов
И черепах.
Вблизи бегемота
Летают стрекозы.
...Так в близком соседстве
Поэзия с прозой...

4. Злому мальчишке

Злому мальчишке, сломавшему ветку,
Сверстник его говорил, негодуя:
— Ветки ломает! А если бы руку
Кто-то сломал тебе, то-то завыл бы.

5. Подражание персидскому

Пускай мне судьба подарила суму —
То в детстве она отнимала игрушку,
То выкрала после кошму и подушку, —
Я в жизни завидовал лишь одному —
Умению камень пускать, как лягушку...

6. Вера

Вера в свое призванье
В человеке основой стальной.
Уберите ее — и опускаются руки,
Не хочется встречаться с людьми.
Ты с любимою пропускаешь свиданье.
Был общителен — хмурый идешь стороной.
Всё становится серым.
Глаза тускнеют от скуки.
А поди-ка ту веру
                                        на ощупь
                                                    возьми! . .

7. Волна

Разбившись о скалу высокомерья,
В лохмотьях пены ухожу усталый
Я, среди волн других неразличим.
Но моря дух тревожен. Вновь на скалы
Иду я, не сдаваясь им.

8

Река, что паводком не бушевала,
Еще не река.
Рука, что орудий труда не держала,
Еще не рука.
Душа, равнодушная к песне красивой,
Еще не душа,
И слово, которое ложью червиво,
Не стоит гроша.

СОДЕРЖАНИЕ

Бело-зелено-красный

Один год

Ветви и паветви

Записная книжка

Гатов Александр Борисович

АПРЕЛЬ, СЧАСТЛИВЫЙ МЕСЯЦ

«Советский писатель», 1962, 128 стр.

Редактор *В. К. Семакин*

Художник *А. Г. Саксонов*. Худож. редактор *Д. С. Мухин*
Технический редактор *З. Г. Игнатова*
Корректор *Г. Г. Папандопуло*

Сдано в набор 9/XI 1962 г. Подписано в печать 27/XI 1962 г. А 09122. Бумага 70×108 1/32. Печ. л. 4,0 (5,48). Уч.-изд. л. 2,69. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1817. Цена 19 коп.

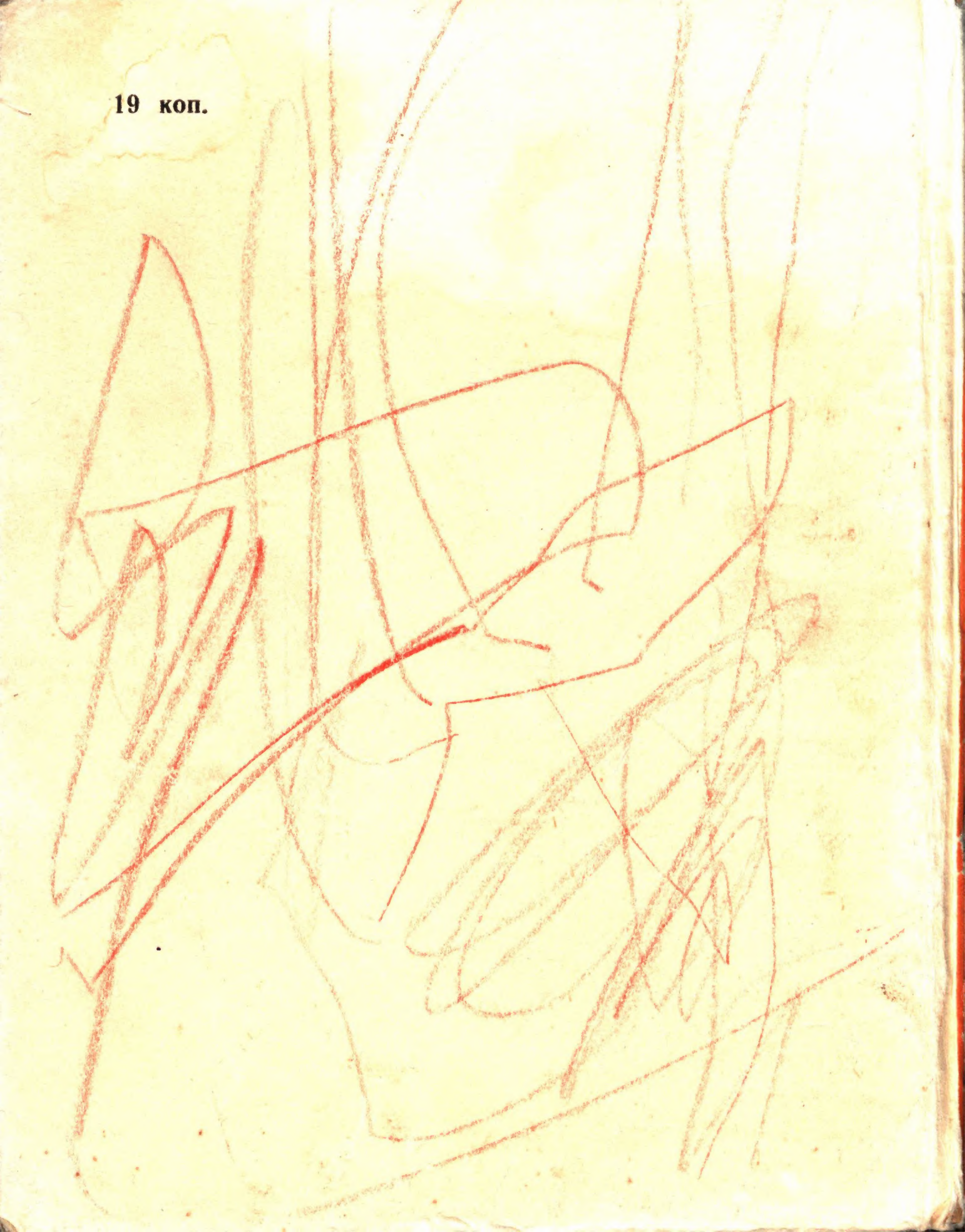
Издательство «Советский писатель», Москва К-9, Б. Гнездниковский пер., 10

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза, Ленинград, Красная ул., 1/3

19 коп.

АЛЕКСАНДР ГАТОВ